

АЛЕКСАНДР БЕЛОНЕНКО

директор Свиридовского института

ШОСТАКОВИЧ И СВИРИДОВ: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

В трактате “Установления гармонии” (*Le istituzioni armoniche*, 1558) у выдающегося итальянского теоретика музыки XVI века Дж. Царлино есть термин – совершенная гармония (*harmonia perfetta*). К лету 1958 года голоса советской политики и музыки слились в стройном аккорде *harmonia perfetta*. Череда событий не успевала освещаться в советской прессе. Газеты буквально захлёбывались от потока новостей с культурного фронта, гармонично согласовываясь с непрерывной политической информацией. 30 апреля в Москву прибывает Президент ОАР Гамаль Абдель Насер для важных переговоров¹. В это время балетная труппа Большого театра гастролирует в Египте². В это же время А. Микоян находится в Германии, сначала в ФРГ, где подписывает торгово-экономическое соглашение, потом заезжает в Восточный Берлин. В июле в Германии будет выступать балетная труппа Большого театра³.

Как порой причудливо культура переплеталась с политикой, говорит один пример. В начале июня балет Большого покорил Париж. “Правда” сообщает об этом 3 июня⁴. И в этом же номере газеты публикуется сводка событий во Франции, приход генерала де Голля к власти после внутривнутриполитического кризиса в мае, первые законопроекты его правительства, подавление мятежа генерала Жака Сустанья в Алжире, который ещё мае поддерживал генерала де Голля, и тут же заметка о приёме министром иностранных дел А. А. Громыко французского посла. “Во время состоявшейся беседы обсуждались вопросы, связанные с созывом совещания на высоком уровне (ТАСС)”. И всё на одной странице...

Шостакович оказался в эпицентре всех политических и культурных событий того года. Так, в начале мая в СССР прибывает Президент Финляндии Урхо Кекконен, ему устраивают приём на самом высоком уровне, он посещает несколько городов Советского Союза, Московский университет вручает ему диплом доктора юридических наук *honoris causa*. Перед отъездом 31 мая Кекконен подписывает совместное коммюнике, в котором зафиксированы результаты переговоров, положительных для советской стороны⁵. В конце мая на две недели в Москву приезжает видный финский музыковед Эрик Тавастерна, встречается с Д. Шостаковичем, делится своим впечатлением от встречи в газете “Советская культура”. “Шостакович принял меня у себя, и я сразу же почувствовал магическое воздействие его личности. Мы легко разговорились. Я рассказал, что во время моей последней встречи с Сибелиусом он высоко

Продолжение. Начало в №1,5,6 за 2016 год, №6,8 за 2017 год, №2 за 2018 год и №1,5,6,7 за 2019 год.

оценил Десятую симфонию Шостаковича и вообще с большим интересом следил за его творчеством. Шостакович ответил на это: “Я рад, что великий композитор Финляндии, которым я восхищаюсь, так оценил мою музыку”, – и далее даёт оценку 11-й симфонии: “Хочу сразу же сказать, что Одиннадцатая симфония – выдающееся произведение. Композитора вдохновила программа симфонии, но он не сломал симфонической формы и не превратил произведение в гигантскую симфоническую поэму. Напротив, форма здесь едина и монолитна. Ни один современный композитор не достигает в своей музыке такого колоссального симфонического напряжения, как Шостакович. Вступительный музыкальный образ симфонии – одно из наиболее значительных вдохновений Шостаковича: в нём пространство и глубина, оно открывает широкие перспективы. Подобно тому как Мусоргский в конце сцены под Кроммами в “Борисе Годунове” выражает в музыке судьбу России, Шостакович во введении к Одиннадцатой симфонии выражает предгрозовую атмосферу, ожидание Россией грядущих грозных событий”⁶. В октябре Шостакович – автор Сюиты на финские темы, написанной в самом конце 1939 года (по заказу Политуправления ЛВО)⁷ едет в Финляндию, 9 октября в Хельсинки ему вручена почётная награда – Международная премия им. Я. Сибелиуса⁸.

После Президента Финляндии Москву в июле посетил Федеральный канцлер Австрии Юлиус Рааб. С ним тоже состоялись переговоры. Рааб признаёт плодотворными усилия СССР по разрядке напряжённости в мире, находит необходимым и полезным четырёхстороннее совещание в верхах по германскому вопросу. В конце 1958 года президент общества советско-австрийской дружбы Шостакович посетил Австрию. Без концертов⁹.

Налаживание нормальных отношений с Европой и США после венгерских событий остаётся одной из основных целей советской внешней политики. К тому же оставалось открытым предложение Советского Союза о разоружении, запрещении испытания атомного и водородного оружия. Одно за другим идут соответствующие послания, письма главам крупнейших государств от руководства СССР. В это время проходит Всемирная выставка в Брюсселе. Успешно запущен третий спутник, что ещё больше подогрело интерес к советскому опыту освоения космоса. Европейское направление было одним из важнейших стратегических направлений советской политики. И культура становится одним из активных инструментов её продвижения. Брюссель делается основным центром притяжения, но и по пути туда артисты посещают соседние страны. 6 мая газета “Советская культура” “рапортует” об успешном выступлении в Брюсселе ансамбля Советской армии под управлением Б. Александрова. И потом из Брюсселя в течение всего лета идут репортажи, очерки, сообщения о выступлениях наших артистов, музыкантов.

1958 год отнюдь не был безоблачным и не сопровождался только концертами и успешными выступлениями советских артистов. Не говоря уже о постоянных очагах напряжённости вроде Ближнего Востока, возникали спонтанно разного масштаба кризисы: тайваньский кризис, берлинский. То американские самолёты-разведчики приближаются слишком близко к нашим границам, а порой и пересекают их. Более чувствительными оказались кризисы внутри лагеря социалистических стран. В этот год возникли осложнения в отношениях с Югославией. Югославы решили пойти своим путём, приняв на VII съезде коммунистов Югославии новую программу, в основу которой легла идея Э. Карделя о вращении капитализма в социализм, о рабочем самоуправлении. Ещё хуже обстояло дело с Китаем. Китай твёрдо стоял на своих ортодоксально-коммунистических позициях, Мао Цзедун считал, что Хрущёв совершил непростительную ошибку с разоблачением Сталина. Советский Союз оказался меж двух огней.

VII съезд Союза коммунистов Югославии проходил с 22 по 26 апреля. И весь май в центральных газетах шло обсуждение итогов съезда, критика И. Тито, Э. Карделя¹⁰, А. Ранковича. Югославов обвиняли в отступлении от марксизма-ленинизма. Искали союзников в противостоянии с югославами. 14 мая в “Правде” была опубликована перепечатка статьи из “Нейес Дойчланд” с критикой идей съезда югославских коммунистов¹¹. Затем перепечатка большой статьи из газеты румынских коммунистов “Скынтейя”¹². Потом последовало сообщение о том, что на второй сессии VIII съезда КПК китайские коммунисты осудили югославов за ревизионизм¹³.

Этот популярный у марксистов пейоративный термин, который никогда не забывался советскими коммунистами, после событий в Венгрии вновь обрёл актуальность и опять пошёл в ход. В ревизионизме стали обвинять не только политические течения, конкретных политиков и экономистов, но и деятелей культуры. Венгерского философа-марксиста Дьёрдя Лукача обвинили в эстетическом ревизионизме¹⁴, не забывая напомнить о его участии в правительстве Имре Надя, над которым шёл суд и которого, в конце концов, как известно, повесили 16 июня 1958 года¹⁵. Как утверждал член Политбюро, секретарь ЦК ВСРП Дьюла Каллаи, “старый либерально-буржуазный лозунг о свободе культуры и искусства ревизионисты преподнесли в украшении марксистских фраз, нападали на ленинский принцип партийности культуры, отрицали необходимость партийного и государственного руководства. Провозглашая “демократию для всех”, ревизионисты отрицали классовую борьбу и диктатуру пролетариата, в культурной жизни страны открыли путь реакционным традициям национальной культуры и современному декаданству буржуазного Запада”¹⁶. В ревизионизме наши философы и эстетики обвиняли всех, и отечественных, и зарубежных писателей, художников, которые высказывали сомнение в незыблемости соцреализма¹⁷. Мы вернёмся к этому термину в связи с ещё одним важным событием лета 1958 года.

В конце мая Н. Хрущёв организует и проводит крупную политическую акцию. В Москве проходит совещание Политического Консультативного Комитета государств-участников договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. В итоге этого совещания принимается Декларация государств-участников Варшавского Договора и Пакт о ненападении между государствами – участниками Варшавского Договора и государствами – участниками Североатлантического Пакта. Смысл Пакта заключался в предложении Западу прекращения гонки вооружения, ликвидации “холодной войны”. В заключении Пакта подписавшие его видели “реальный шаг в деле укрепления мира”. Пакт сразу был доведён до сведения всего мира, всех ведущих государств. И конечно, в первую очередь, он был адресован руководству США, Великобритании, Франции. Казалось бы, эти чисто внешнеполитические акции далеко отстоят от искусства. На самом деле это совсем не так. Искусство использовалось как дополнение к политике, как её составная часть, как инструмент. На Западе культурные акции в эпоху “холодной войны” получили название “культурной дипломатии” или “мягкой силы”. Сегодня сложилась огромная литература по этой “мягкой силе”.

У нас этой темой всерьёз занялись сравнительно недавно. Так, в коллективной монографии “Советская культурная дипломатия в условиях “холодной войны”. 1945–1989”¹⁸ весьма обстоятельно рассматривается организация советской культурной дипломатии, научный и образовательный обмен, фестивали молодёжи и студентов, спортивные состязания, международные выставки, выставки достижений народного хозяйства СССР, международные Сталинские и Ленинские премии мира, туристические связи СССР, праздничные коммеморации и пр. К сожалению, в книге не нашлось места для освещения участия музыки в культурной дипломатии СССР. Между тем, на Западе музыка как инструменту внешней политики уделяется серьёзное внимание. Как пишет канадская исследовательница Эмили Ансари в своём труде “Звук сверхдержавы: музыкальный американизм и “холодная война”: “Госдепартамент США обратился к музыке в начале 1950-х годов, чтобы помочь решить проблему репутации, которая в условиях “холодной войны” стала проблемой международных отношений. Советы энергично пропагандировали достижения своего народа в области высокого искусства в рамках своей глобальной пропагандистской кампании, направленной на демонстрацию общественных преимуществ коммунизма”¹⁹. Это верное в основе наблюдение следует уточнить. Дело в том, что советские музыканты действительно демонстрировали достижения советской исполнительской школы, но вот что касается советской музыки, то она должна была, по мысли партийных идеологов, содержать в себе самой, в самом музыкальном языке коммунистическую идеологию. Партийность должна была быть инкорпорирована в само тело музыки, вплоть до её тональной организации. Некоторые ретивые музыковеды – члены партии – находили даже советский интонационный строй, почему-то похожий на интонации песен Исаака Дунаевского... Но об этом чуть позже.

Вернёмся к хронике событий. 26 мая в газете “Правда” публикуется материал под названием “Искусство сближает народы. Вчера на аэродромах и вокзалах Москвы, Парижа, Киева и Вильнюса”. Это была серия коротких репортажных заметок о вылете из Москвы в Париж большой группы артистов балета Большого театра, вылете Государственного заслуженного ансамбля народного танца Грузинской ССР в Италию, выезде на гастроли в Румынскую Народную Республику Государственного заслуженного ансамбля песни и танца Литовской ССР. Одновременно в Москву из Парижа в тот же день 25 мая прибыла балетная труппа французского национального театра “Гранд-опера”, а в Киев днём ранее прибыл дирижёр Леопольд Стоковский.

Конечно, самый большой интерес для Хрущёва представляла Америка. Тема Америки не сходит со страниц советских газет. 30 мая газета “Правда” публикует сообщение об обмене нотами между Посольством СССР в США и Государственным департаментом США относительно совместных мероприятий в области здравоохранения в соответствии с принятым ранее Соглашением о сотрудничестве. 3 июня “Правда” печатает сообщение об обмене письмами между Государственным департаментом США и Посольством СССР в США по вопросу об Антарктике. Весь год Хрущёв обращался к Президенту США Дуайту Эйзенхауэру по различным поводам и очень стремился встретиться с ним. Поэтому аппарат внешнеполитических отношений в ЦК КПСС, МИД СССР в течение года усиленно занимались американским направлением. И культура, прежде всего, музыка тоже была подключена к этой кампании.

Повышенное внимание уделялось приезду в СССР видных американских дирижёров Л. Стоковского и Ю. Орманди, Филадельфийского оркестра. Концерты американцев неоднократно рецензировались²⁰, в печати освещались их встречи, пребывание в разных городах²¹. Газета “Советская культура” опубликовала беседу с Леопольдом Стоковским. В интервью тот сказал следующее: “Я приехал в Россию один, для того чтобы дирижировать русскими оркестрами, исполнять русскую и американскую музыку. Для изучения русской музыки и русской культуры я приезжал в вашу страну ещё до войны. Я привёз тогда с собой в Америку симфонии Шостаковича, которые там были не известны. Я был единственным, кто исполнил в США музыку Шостаковича до тех пор, когда во время войны все стали исполнять его Седьмую симфонию. Теперь я руковожу чудесным оркестром в Хьюстоне, штат Техас, и несколько недель назад мне прислали самолётом из Советского Союза партитуру Одиннадцатой симфонии Шостаковича. Мы её исполнили в США и сделали грамзаписи. Сейчас хочу вместе с советскими оркестрами исполнить эту симфонию в Киеве, Москве и Ленинграде. Думаю, что это величайшая симфония Шостаковича и что она написана в традициях Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Глинки, Мусоргского, Римского-Корсакова, Чайковского и других великих писателей и музыкантов России. Шостакович – это дальнейшее развитие великой русской культуры. Мне бы также хотелось познакомиться советскую аудиторию с американской музыкой, в частности, с творчеством молодых композиторов Крестона, Барбера, Хованесса. Я – энтузиаст обмена между русской и американской культурами. Уверен, что, если бы русские и американцы могли чаще встречаться, они бы стали друзьями, ибо между ними много общего”²².

Так уж получилось, что в необыкновенно насыщенных политических событиях того года дипломатическая миссия выпала на долю Вана Клиберна.

Конкурс им. П. И. Чайковского оставил после себя шлейф приятных воспоминаний и долгое время не сходил со страниц газет и журналов как в СССР, так и в США. В мае 1958 года была решена его судьба. 6 мая газета “Советская культура” опубликовала информационное сообщение от имени Совета Министров СССР, в котором было объявлено, что “Совет Министров СССР принял предложение Министерства культуры СССР о систематическом проведении Международного конкурса имени П. И. Чайковского один раз в четыре года” и что “очередной Международный конкурс имени П. И. Чайковского будет проведён в 1962 г”. Советом Министров СССР было поручено Министерству культуры СССР “разработать и утвердить условия и порядок проведения конкурса”.

Одновременно в том же номере газеты “Советская культура” на четвёртой странице ТАСС разместила небольшой обзор американской печати о конкурсе, процитировав статью из газеты “Нью-Йорк таймс” о победе Вана Клиберна.

Как пишет американский рецензент, “игра этого юноши выдержана в великих романтических традициях. К этому нужно добавить утонченность стиля и великолепную технику”, и с возмущением отвергает досужее мнение, что “русские в жюри присудили Вану Клиберну первую премию в качестве широкого пропагандистского жеста”, считая это оскорбительным и для мистера Клиберна, и для русских. И добавляет: “Это всё равно, что утверждать, будто американцы толпами устремились на концерты Гилельса, Ойстраха, Ростроповича и Когана и сейчас каждый вечер сходят с ума из-за выступлений ансамбля Моисеева только потому, что Государственный департамент декретировал эру хороших отношений на культурном фронте”. Последняя фраза содержит в себе косвенное признание взятого Госдепартаментом курса на хорошие отношения к СССР в области культуры.

17 мая газета “Известия” информирует читателей о том, что Министерство культуры СССР приступило к подготовительной работе по организации будущего конкурса в 1962 году по трём специальностям: фортепиано, скрипка и виолончель. Председателем Оргкомитета вновь был утверждён Д. Д. Шостакович. Далее сообщалось, что “пианисты, скрипачи, виолончелисты Белоруссии, Литвы, Латвии и Эстонии проведут свой конкурс в декабре 1958 года, а “в апреле 1959 года состоится конкурс, в котором примут участие пианисты и скрипачи Узбекистана, Киргизии, Казахстана, Таджикистана, Туркмении”, “в декабре 1959 года проведут конкурс пианисты, скрипачи, виолончелисты Грузии, Армении и Азербайджана”. Кроме того, планировалось, что “в 1959 году состоятся конкурсы молодых музыкантов в РСФСР и УССР”, а “конкурсу 1962 года будет предшествовать Всесоюзный конкурс музыкантов-исполнителей, который состоится в 1960 году в г. Москве”.

22 мая в газете “Советская культура” появилась статья музыковеда Завена Вартаняна. Автор статьи достаточно трезво оценивает состояние исполнительских факультетов в консерваториях вне Москвы и Ленинграда. Это, впрочем, не помешало ему отметить недостатки воспитания артистической молодёжи и в столичных вузах, и в национальных республиках. Он предлагает конкретные меры по улучшению работы исполнительских факультетов, считает необходимым проводить региональные конкурсы, а также конкурсы в республиках. Перейдя к оценке иностранных победителей конкурса, З. Вартанян, конечно же, не мог пройти мимо главного героя. Как он пишет, “особо надо отметить успех молодого американского пианиста Вана Клиберна. Яркая творческая индивидуальность, разностороннее исполнительское мастерство этого пианиста позволило ему во многом превзойти своих соперников в борьбе за первенство на конкурсе. Нет сомнения, что Ван Клиберн – выдающееся дарование, и мы рады, что свою артистическую “путёвку” в жизнь он получил в нашей стране, на международном соревновании имени великого русского композитора Петра Ильича Чайковского”.

Ниже, под большим материалом З. Вартаняна и вслед за сообщением о будущем приезде в СССР Л. Стоковского и Ю. Орманди с Филадельфийским оркестром, помещена краткая, но насыщенная информация корреспондента газеты в США Н. Курдюмова “Нью-Йорк чествует Вана Клиберна”.

“Несколько недель назад, когда Ван Клиберн отправился в Москву на Международный конкурс пианистов и скрипачей имени П. И. Чайковского, он был мало известен за пределами музыкальных кругов своей страны, – пишет собкор “Советской культуры” из Нью-Йорка. – Ныне, возвратившись домой с высшей наградой и многочисленными подарками от советских почитателей его таланта, замечательный пианист стал поистине национальным героем, а его имя повторяет вся Америка. Портреты высокого юноши с густой шапкой волос мелькают в эти дни на страницах газет и журналов, его атакуют журналисты. На первый концерт, состоявшийся вечером 19 мая в “Карнеги-холл”, невозможно было достать билеты – их распродали ещё во время пребывания Клиберна в Советском Союзе.

Концерт прошёл с огромным успехом. Почти трёхтысячная аудитория, взволнованная его проникновенной игрой, устроила пианисту восторженный приём. Как и в Москве, Клиберну дирижировал советский музыкант Кирилл Кондрашин. Вместе они выступили в Филадельфии и Вашингтоне. Центральные нью-йоркские газеты дали высокую оценку выступлению своего соотечественника. Под заголовком “Герой в своей стране” газета “Нью-Йорк таймс” отмечает: “Как те, кто поддержал его на родине, так и русские правы.

Он – огромный талант”. А в полдень следующего дня многочисленные жители города, которые не могли попасть на концерт, аплодировали музыканту на улицах, во время необычного парада, устроенного в его честь. Под восторженные крики “браво!” тысячи нью-йоркцев, выстроившихся вдоль тротуаров, приветствовали музыканта, когда он проезжал на машине по Бродвею к Сити-холл (ратуше), где его встретил и поздравил с успехом в Москве мэром города Роберт Вагнер”.

Всё лето Ван Клиберн буквально сводил Америку с ума. В Чикаго в *Grand Park* он собрал аудиторию свыше 70 000 человек, в основном, тинэйджеров, поклонников, между прочим, Элвиса Пресли, и исполнил 18 июля Третий концерт С. Рахманинова и Первый Чайковского²³. В Лос-Анджелесе 30 и 31 июля он собрал аудиторию в 20 000 человек в *Hollywood Bowl*²⁴. Первый концерт Чайковского стал на какое-то время музыкальным хитом № 1 в США.

Выступления с Кириллом Кондрашиным Клиберн завершил ещё в мае. С оркестром “Симфония воздуха” (*Symphony of air*) он провёл концерты в Нью-Йорке, Филадельфии и Вашингтоне. Как информировало ТАСС, “представители музыкальной общественности Нью-Йорка дали обед в честь советского дирижёра. Перед отъездом на Родину Кондрашин вместе с Клиберном побывал на могиле великого русского композитора Сергея Рахманинова”²⁵. 1 июня дирижёр вылетел из США на родину.

А 7 июня 1958 года на имя Хрущёва из Нью-Йорка поступила следующая телеграмма:

“Позвольте мне поблагодарить Вас и других государственных деятелей за то, что Вы сделали моё пребывание в Советском Союзе таким приятным и незабываемым. Разрешите мне также обратиться с особой просьбой, чтобы маэстро Кондрашин приехал в Лондон для того, чтобы дирижировать оркестром Лондонской филармонии в Альберт-Холле, вмещающем 8 тысяч человек, 15 июня с. г. Я хорошо сознаю, что маэстро Кондрашин очень занят в СССР в это время, но я чувствую, что если бы Вы могли разрешить ему прибыть в Лондон только на три дня, с 16-го по 18-е, на мой лондонский дебют, то это не только придало бы мне уверенность, но имело бы гораздо большее значение. Лучшие пожелания Вам и Вашей семье. Искренне Ваш Клиберн”.

Как пишет опубликовавший эту телеграмму Л. Максименков, “сегодня трудно представить, что значило тогда попросить 7 июня советского премьер-министра, чтобы кто-то из его граждан уже 16-го дирижировал оркестром в лондонском Альберт-Холле”.

Отсылаю читателя к этой почти детективной истории, красочно описанной известным историком, позволю только процитировать ответ, лично написанный Хрущёвым пианисту 13 июня, буквально за четыре дня до концерта в Альберт-холле: “Г-ну Ван Клиберну. Ваша телеграмма ещё раз напомнила мне о большом удовольствии, которое доставило нам Ваше выступление в Москве. Ваша просьба в отношении дирижёра К. П. Кондрашина удовлетворена, и он уже вылетел в Лондон, чтобы принять там участие в ваших концертах. Прошу принять мои самые наилучшие пожелания Вам и Вашей семье. От всего сердца желаю Вам успехов в Вашей замечательной творческой деятельности. С уважением к Вам, Н. Хрущёв. 13 июня 1958 г.”²⁶.

Что подвигло Хрущёва отступить от принятых в советской дипломатии в таких случаях правил составления и посылки таких писем, сейчас уже трудно установить. Был ли это чисто бессознательный, эмоциональный *aufschwung*²⁷ или расчётливый шаг со стороны Хрущёва – Бог весть. Конечно, прав Максименков, акцентируя политическую составляющую этого непредсказуемого поступка Хрущёва. Как известно, советский премьер отличался импульсивным поведением. Вполне возможно, что в данном случае было и то, и другое. Клиберн явно был симпатичен Хрущёву. И старые фотографии, и кадры кинохроники конкурса им. Чайковского наглядно свидетельствуют об этом. На закрытии конкурса Клиберн сымпровизировал “Подмосковные вечера”, что Хрущёву должно было быть особенно приятно – песни Соловьёва-Седого он любил. С другой стороны, глава Правительства СССР был крайне заинтересован в том, чтобы расположить к себе Президента США, с которым в апреле обменялся посланиями, не очень обнадеживающими на взаимопонимание²⁸. Всё сошлось и получилось как нельзя лучше. Ван Клиберн стал не только кумиром в СССР и США, но и в своём роде героем политической жизни. Сравнительно недавно в США вышла книга под названием “Московские

ночи: история Ван Клиберна — Как один человек и его фортепиано преобразовали “холодную войну”²⁹. Под Московскими ночами, конечно, имелась в виду песня “Подмосковные вечера”³⁰.

И в Америке хорошо понимали, какой политический эффект имела победа Вана Клиберна на конкурсе им. П. И. Чайковского. В одном из номеров журнала *Musical America* в 1958 году появляется редакционная статья “Посол от музыки”. Попеняв федеральному правительству за то, что поездку Клиберна профинансировал частный, а не правительственный фонд, автор статьи замечает: “Не оставляет сомнений тот факт, что теперь нашим законодателям из Вашингтона было бы приятно читать о победе молодого американского пианиста, который для поездки был снабжён правительственной субсидией, тем более, что они убедились, как много такой музыкант может сделать. Они, конечно, не могли не заметить слов: “Здесь мы и без круглого стола имеем идеальный пример мирного сосуществования”, — сказанных русским премьером Никитой Хрущёвым. Они также не могли бы прочесть поздравление Первого заместителя премьера Анастаса Микояна, где тот говорит Клиберну: “Вы — прекрасный политик для своей страны: Вы сделали больше, чем другие политики”.

И дальше автор статьи раздражается тирадой, при чтении которой возникает впечатление, что она была написана под диктовку Отдела пропаганды ЦК КПСС. Как он пишет, “история неоднократно доказывала, что вдохновенная игра художника играет не менее, а, пожалуй, даже более важную роль в деле поддержания мира, чем различные хитроумные соглашения и тонко завуалированные угрозы, из которых состоит игра политиков. Как русские люди, так и русские лидеры отнеслись к этому музыкальному конкурсу с большим энтузиазмом, а молодого американского победителя принимали в высшей степени тепло и сердечно.

Некоторые скептически настроенные политики недостаточно оценивают глубокое значение такого энтузиазма, так же, как и некоторые скептики-художники недопонимают, чего добились музыканты благодаря тому, что Клиберн привлёк к себе мировое внимание. <...> Его победа вышла далеко за пределы музыкального конкурса, в свете чего важно отметить, что музыка принесла Вану Клиберну триумф не менее значительный, чем триумф героя, выигравшего битву на поле брани. А победа Клиберна именно в России лишний раз подтверждает мысль о том, что искусство, став над политикой, сближает людей, как ничто другое в мире”.

Безусловно, американцы вполне осознавали пропагандистский эффект конкурса. Как писал автор другой статьи в журнале *Musical America*, “конечно, русские не могли не внести элемента пропаганды в победу Вана Клиберна. Так, например, Дмитрий Шостакович писал в газете “Правда”: “Мы особенно рады, что Ван Клиберн получил широкое признание именно у нас в Советском Союзе”³¹.

В одном из номеров другого американского журнала — *Musical Courier* — за 1958 год появилась заметка “Ван Клиберн выполняет миссию”. Привожу цитату из этой заметки по переводу, который хранится в архиве ССК СССР. “Тёплый и отзывчивый человек, к тому же прекрасный музыкант, Ван Клиберн привлёк к себе симпатии не только музыкальных кругов. Огромную важность его миссии — миссии человека, профессия которого может способствовать возникновению дружбы между народами, — признают многие политические деятели. Так, например, один из активных деятелей Организации Объединённых Наций Филлис в беседе сказал в шутку, что, пожалуй, основное, в чём сейчас нуждаются объединённые нации — это в хорошем пианисте”³².

Так музыка в 1958 году тесно сплелась с политикой в единой *harmonia perfecta*. В эту “совершенную гармонию” стройно вписался и голос главы Оргкомитета конкурса им. П. И. Чайковского Д. Д. Шостаковича.

В тот день, когда Клиберн обратился с письмом к Хрущёву, в газете “Советская культура” была напечатана большая рецензия о выступлении Леопольда Стоковского в Киеве. Как писал критик А. Медведев, “. . . Но, конечно, в центре внимания и дирижёра, и слушателей оказалась Одиннадцатая симфония (“1905 год”) Шостаковича. Завидная судьба выпала этому величественному произведению: многие дирижёры в нашей стране и за рубежом стремятся сыграть симфонию, дать музыке своё интересное и оригинальное толкование. Вот и Л. Стоковский включился в это незримое “соревнование” музыкантов.

Американский дирижёр дал интересную, своеобразную трактовку произведения. Особенно удалась дирижёру третья часть, в которой он выделил ряд метких деталей (например, мажорно-громкое, острое пиччикато струнных в начале). А как твёрдо, “завоеванно” прозвучала ре-мажорная кульминация — поистине выстраданный перелом действия, зарождение образов волевых, мужественных, которые в полную силу поднимаются в финале симфонии! Слушатели горячо приветствовали замечательного американского дирижёра”³³.

Летом 1958 года началось триумфальное шествие Шостаковича по Европе. 9 мая он едет в Италию по приглашению итальянской музыкальной академии “Санта-Чечилия”. Д. Д. Шостакович был избран почётным членом академии ещё в 1956 году, но из-за венгерских событий он смог появиться в Риме только спустя два года. В сообщении ТАСС, опубликованном в газете “Советская культура”, указывалось, что Д. Д. Шостаковичу будет вручён почётный диплом академии “Санта-Чечилия” и что из Италии Д. Д. Шостакович поедет во Францию, где он примет участие в репетициях и первом исполнении его Одиннадцатой симфонии “1905 год”³⁴ (ТАСС).

“Советская культура” поместила сообщение ТАСС с описанием церемонии вручения композитору диплома почётного члена академии. “На торжественной церемонии присутствовали видные деятели искусств, представители общественности, журналисты, — читаем в номере газеты от 13 мая. — Среди присутствующих находился также посол СССР в Италии С. П. Козырев. Президент академии “Санта-Чечилия” Бустини, вручая Д. Шостаковичу диплом и знак почётного члена академии, произнёс краткую речь, в которой охарактеризовал композитора как выдающегося музыканта нашего времени. С ответной речью выступил встреченный горячими аплодисментами Д. Шостакович, который поблагодарил за избрание его почётным членом академии и выразил пожелание, чтобы дружба и плодотворные связи между советскими и итальянскими деятелями культуры, так же как и между советским и итальянским народами, постоянно укреплялись. Он передал в дар президенту академии партитуру своего последнего произведения — 11-й симфонии. Затем были оглашены приветственные телеграммы в адрес Шостаковича. В заключение был исполнен Четвёртый квартет Шостаковича. После этого состоялся приём в честь советского композитора”³⁵.

15 мая был насыщенный музыкальными событиями день. Ван Клиберн перед вылетом на родину дал прощальный концерт в Москве. Газета “Советская культура” сообщила об открытии фестиваля “Закавказская музыкальная весна” и анонсировала предстоящее в ближайшее время гастрольное турне балета Большого театра. “Его маршрут пройдёт по городам Франции, Бельгии и Федеративной республики Германии”. Одновременно газета сообщила о концертах Госхора СССР в Бельгии и о том, что в Льеж для концертов памяти Эжена Изаи “приглашены виртуозы Д. Ойстрах и Л. Коган”.

Между тем в Союзе советских композиторов продолжалась своя жизнь и кипели свои внутрикорпоративные страсти. В том же номере 58 газеты “Советская культура” от 15 мая сообщалось, что Министерство культуры СССР совместно с ССК СССР организовало Всесоюзное совещание музыковедов и критиков. Открывал совещание Хренников. Основной доклад делал Ю. Келдыш и в очередной раз подверг публичному остракизму бывшего главного редактора журнала “Советская музыка” Г. Хубова: “За последние годы в ряде статей по вопросам музыки чувствовалась недооценка и неправильное понимание роли народности и партийности в искусстве, имели место случаи примиренческого отношения к чуждым социалистическому реализму модернистским течениям, встречались отдельные попытки ревизии руководящих партийных документов в области искусства. Одним из проводников этих ошибочных тенденций в 1956–1957 годах был журнал “Советская музыка”.

В этом же номере газеты была помещена информация ТАСС, что в Праге открылся XIII Международный музыкальный фестиваль “Пражская весна 1958 года”, проводимый под шефством президента республики и посвящённый преимущественно творчеству великого чешского композитора Леоша Яначека.

21 мая в пражском Концертном зале имени Сметаны выступил симфонический оркестр чешской филармонии под управлением дирижёра Карела Шейны. Были исполнены баллада для оркестра “Дитя бродячего музыканта” Яначека и Одиннадцатая симфония Шостаковича. Об этом сообщила газета “Советская культура” от 22 мая³⁶.

В следующем номере этой газеты от 23 мая была помещена реплика ТАСС о вручении Д. Шостаковичу французского ордена. «ПАРИЖ, 22 мая. (ТАСС). Сегодня в Париже состоялась торжественная церемония провозглашения советского композитора Д. Шостаковича командором Французского ордена искусств и литературы. Д. Шостакович является первым иностранцем, удостоенным этого звания. Вручая Шостаковичу орден и почётный диплом, начальник культурно-технического отдела МИД Франции Роже Сейду выразил глубокое удовлетворение в связи с приездом во Францию одного из крупнейших советских композиторов. На торжественной церемонии присутствовали посол СССР во Франции С. А. Виноградов, директор Парижской оперы Ирш, известная Французская пианистка Маргарита Лонг, композиторы Дариус Мило, Жорж Орик и другие деятели культуры и искусства, которые горячо поздравили советского композитора с наградой».

28 мая во дворце Шайе Симфоническим оркестром радио и телевидения Франции под управлением А. Клюитанса была исполнена 11-я симфония. Об этом сообщила «Советская культура» в номере от 31 мая³⁷.

11-ю симфонию упомянул в своём докладе министр культуры СССР Н. А. Михайлов на Втором Всесоюзном съезде работников культуры. С текстом доклада можно ознакомиться на 2-й и 3-й страницах газеты «Советская культура» от 24 мая 1958 года. С неё он начал раздел своего доклада, посвящённого «крупным удачам деятелей искусства» в музыкальном искусстве. «Прежде всего, следует вспомнить чудесную Одиннадцатую симфонию Д. Шостаковича. Это яркое произведение языком музыки рассказывает о величественной эпохе, о революционной борьбе в 1905 году, как бы перелистывает страницу за страницей бурные и незабываемые события тех дней, которые подготовили победу Великого Октября». Не забыл министр оценить достоинства опер «Мать» Т. Хренникова, «Милана» Г. Майбороды и А. Бабаева «Орлиное гнездо». Отметил и балеты «Тропою грома», «Отелло» и «Спартак», над которым закончил работу Большой театр.

Столь громкий выход Шостаковича на международную арену, его мировое признание, теперь выраженное в публичной форме награждения различными почётными званиями, вероятно, сыграли свою роль в истории Постановления ЦК КПСС от 28 мая 1958 «Об исправлении ошибок в оценке опер «Великая дружба», «Богдан Хмельницкий» и «От всего сердца». В условиях, когда Советский Союз всячески стремился продемонстрировать своё намерение освободиться от недавнего прошлого, от порядков и норм сталинского режима, показаться всему миру не только миротворцем, но и покровителем искусств, политически выглядело бы неадекватным, чтобы признанный в мире композитор у себя на родине оставался преданным поруганию, с несмываемым клеймом «формалиста». Это тем более было заметно в сравнении с представителями других видов художественного творчества. Такого признания, как Шостакович в первой половине 1958 года, не имел ни один деятель советской культуры того времени, ни литератор, ни художник, ни режиссёр театра, ни актёр кино.

Конечно, выход Постановления ЦК КПСС от 28 мая 1958 года имел много разных причин, но совершенно очевидно, что музыка в тот момент имела большее предпочтение в глазах партийной верхушки и самого Хрущёва, нежели другие виды искусства и литература.

Для композиторского сообщества в СССР это постановление имело чисто внешнее, политическое значение, творческий процесс шёл своим путём и развивался по своим собственным законам. Молодых композиторов оно практически никак не затронуло. Для них старое Постановление 1948 года было уже давно забытым анахронизмом. Тем более, что в заглавии нового постановления были указаны оперы, давно уже сошедшие со сцены (кроме, быть может, «Богдана Хмельницкого», которого, кажется, пытались ещё ставить на Украине).

На Постановление отреагировали, главным образом, композиторы старшего и среднего поколения и, в первую очередь, те, кто упоминался в Постановлении 1948 года или кто был так или иначе причастен к событиям того года. Для композиторов «формалистического направления» это было знаком перемен в стиле руководства музыкой, подающим надежды на ослабление давления Агитпропа на композиторское творчество. Правда, в хрущёвский период идеологический пресс партийной доктрины всё ещё – по инерции

и чисто формально — оставался в некоторой силе. И лишь после его ухода, при Брежневе постепенно давление слабело, а в конце советского периода оно фактически сошло на нет.

Впрочем, не всё так просто было с этим Постановлением. Прежде всего, в тексте его содержалась некая двусмысленность. С одной стороны, в этом документе отнюдь не дезавуировались основные положения прежнего, десятилетней давности Постановления от 10 февраля 1948 года. И принцип партийности, и доктрина соцреализма оставались незыблемыми. Лишь наиболее одиозные, слишком грубые обвинения, которые, кстати сказать, вполне логично вытекали из установок Постановления 1948 года, были списаны на “субъективный подход И. В. Сталина”. Того Сталина, который продолжал и после выхода Постановления по-царски награждать композиторов-формалистов премиями своего имени! Который заказывал им музыку для своих важных кинофильмов! Справедливости ради стоит напомнить, что отнюдь не Хренников, композитор “реалистического направления”, а “формалист” Шостакович писал музыку к кинофильму “Падение Берлина”...

Постановление от 28 мая 1958 года “Об исправлении ошибок...” было опубликовано в центральном органе партии — газете “Правда” — вместе с большой статьёй “Путь советской музыки — путь народности и реализма”. Эта статья была перепечатана в разных СМИ, а к осени вышла отдельной брошюрой. И по своей функции она является своего рода подзаконным актом. И вот из этой статьи читатель мог понять, что все постановления по литературе и искусству, принятые в 1946–1948 годах, имели “большое значение для развития духовной культуры советского общества”, “отстаивали идейную чистоту нашего искусства, которое призвано быть глашатаем передовой советской идеологии и морали”.

При этом признавалось, что опере “Дружба народов” были присущи “некоторые недостатки”, но “что не было оснований объявлять её примером формализма в музыке”.

Конечно, это очень ценное признание не могло не вызвать улыбку у настоящих “формалистов”. И оно бы прошло незамеченным, если бы после этого не шёл следующий важный пассаж: “Необоснованной была также огульная характеристика талантливых композиторов, товарищей Д. Шостаковича, С. Прокофьева, А. Хачатуряна, В. Шебалина, Г. Попова, Н. Мяскового, как представителей антинародного формалистического направления в музыке. Эти неверные оценки отражали субъективный подход к отдельным произведениям наших художников со стороны И. В. Сталина”.

Заодно было решено возложить вину плохого влияния на... нет-нет, не на А. Жданова, идейного вдохновителя Постановления 1948 года, а... на Маленкова, Молотова и Берия. Это уже ни в какие ворота не лезло, наверняка Жданов в гробу перевернулся — чуть ли не соавторами его детища объявляли его противников. Но замечательна концовка этого пассажа. “Субъективные оценки, нашедшие своё отражение и в постановлении ЦК от 10 февраля 1948 года, безусловно, противоречили духу и основным принципам этого документа”³⁸. Тут уж никакого сомнения у читателя не могло быть, что само Постановление 1948 года если и не возникло вопреки воле Сталина, отразившийся в нём субъективизм вождя и его приспешников, тем не менее, не сломил дух и основные принципы этого важнейшего партийного документа³⁹.

Противоречивое содержание Постановления 1958 года было сразу отмечено как в кругах советской интеллигенции, так и за рубежом. Показателен в этом смысле один документ, хранящийся в Государственном архиве Великобритании. Уже на следующий день после публикации в газете “Правда” Постановления ЦК КПСС от 28 мая 1958 года “Об исправлении ошибок...” из британского посольства в Москве 9 июня пошло следующее письмо в Северный департамент Министерства иностранных дел Великобритании:

“Британское посольство Москва 9 июня 1958 (1754/9/6)

Дорогой департамент,

1. “Правда” от 8 июня опубликовала постановление ЦК от 28 мая “Об исправлении ошибок в оценке опер “Великая дружба”, “Богдан Хмельницкий” и “От всего сердца”. Первая из них, опера Мурадели, была главным предметом так называемого “ждановского” постановления о музыке от 10 февраля 1948 года. Две других, за что были обвинены украинский писатель Корнейчук

и композитор Жуковский, впервые попали под обстрел в редакции “Правды” в 1951 году.

2. Новое постановление продолжает оправдывать общие принципы постановления 1948 года, утверждая, что оно должным образом осудило формалистические и модернистские тенденции и способствовало правильной развитию советской музыки. С другой стороны, говорится, что в нём несправедливо критиковались отдельные композиторы, в частности Мурадели, Шостакович, Прокофьев и Хачатурян, которые были ошибочно названы представителями “антинародного формалистического направления”. Правда, они допустили несколько ошибок. Кроме того, постановление 1948 года ложно ссылается на антагонизмы между народами Северного Кавказа (это замечание предназначено для оправдания ссылки на Берия, которая появляется позже, и возвращается к одному из выдвинутых против него обвинений).

3. Часть вины за ошибки возлагается на Сталина⁴⁰ и его “субъективный подход” к музыке. Говорят, что он находился под вредным влиянием Молотова, Маленкова и Берии.

4. В постановлении официально отмечаются ошибки 1948 года, признаётся, что передовица “Правды” 1951 года была односторонняя, оно требует от “Правды” опубликовать редакционную статью о развитии советской музыки и предлагает партийным организациям и министерству культуры, чтобы они разъяснили новую линию широко с целью повышения идейно-художественного уровня советской музыки и укрепления её связей с народом.

5. Постановление имеет несколько последствий для советской культуры. Во-первых, оно даёт официальную санкцию на компромисс между “ждановскими” сторожевыми собаками, такими как Хренников, и несколькими действительно хорошими композиторами, чья реабилитация началась очень скоро после смерти Сталина. Этот компромисс был очевиден уже прошлой весной на втором съезде композиторов и знаменует собой кульминацию постепенной тенденции в постсталинские годы. (Интересно отметить, например, что, в отличие от соответствующих постановлений по литературе и театру, данное постановление, очевидно, свидетельствует о некотором ослаблении идеологических оков в музыке, которые были вновь ужесточены в прошлом году в результате событий в Венгрии. Оно может также означать некоторое ослабление в других отраслях культуры).

6. Политические последствия Постановления более интересны, хотя и менее понятны. Совершенно очевидно, что постановление возникло из окружения Хрущёва, хотя не обязательно было инициировано им лично. Эта точка зрения подтверждается гипотезой о том, что Корнейчук, вероятно, находился под покровительством Хрущёва и что нападение на него в 1951 году могло быть частью кампании по подрыву влияния последнего. Редакционная статья “Правды”, занимающая шесть колонок в том же номере, отождествляет новое постановление не только с Хрущёвым, но и со взглядами Ленина на искусство.

7. Изменение некоторых пунктов указа 1948 года представляет собой удар, хотя и незначительный, по так называемой “ждановщине”. Тем не менее, некоторые наблюдатели утверждают, что вульгаризация⁴¹ русской культуры, последовавшая за постановлениями 1946–1948 годов, исходила не столько лично от Жданова, сколько от тех, кто был ответственен за их практическое исполнение. Здесь уместно напомнить, что именно Сулов был главой АГИТПРОПА в 1947–1948 годах, и он должен был контролировать выполнение⁴² постановлений о кино и музыке. Если мнение будет принято – хотя пока ещё никоим образом не доказано, – что Сулов недавно был отодвинут, было бы логично сделать вывод, что он отсрочил действия Центрального комитета по исправлению ошибок 1948 года, за которые он, возможно, был частично ответственен.

8. Вина, которую новое Постановление возлагает на Сталина, вряд ли способна переломить нынешнюю тенденцию восстановления его авторитета. Это легко может быть списано на “трагедию” культа личности. Связь Молотова и Маленкова с Берией в их плохом влиянии на Сталина – это совсем другой вопрос, и он может быть направлен на оправдание дальнейших действий против первых двух имён; интересно, что Молотов упоминается первым. Мы считаем, что Берия имел непосредственную связь с культурой в течение короткого

периода в начале пятидесятых; на самом деле, мы не видим оснований для обвинений Молотова и Маленкова.

9. Эти мысли очень умозрительны. Здесь нам не хватает контекста записей и гипотез, которые могли бы позволить нам представить их более убедительно, и мы будем приветствовать мнения исследовательского отдела по этому вопросу.

Мы отправим перевод постановления следующей посылкой⁴³.

Этот документ свидетельствует о том, что англичане имели точное представление о двоякой сути Постановления 1958 года, о том, что оно “продолжает оправдывать общие принципы постановления 1948 года”. В этом документе для нас сегодня наибольший интерес представляет предположение представителя английского посольства в Москве о том, что Постановление 1958 года “даёт официальную санкцию” на “компромисс” между противоборствующими группами советских композиторов – “реалистами” и “формалистами”. Распри между композиторами вряд ли были нужны партийному руководству, единомыслие и консолидация всей творческой интеллигенции, её верность партии и социалистическому реализму – это было необходимо в тот момент Хрущёву. Об опасности групповщины говорилось на Втором съезде советских композиторов в 1957 году. Под флагом единения и солидарности пройдёт Третий писательский съезд в 1958 году.

Мнение о двуликости Постановления стало общим местом в западной литературе о советской музыке. Вот, к примеру, мнение Б. Шварца: “В то время как в постановлении 1958 признавались перегибы прошлого, оно всё же оставалось далеко от отмены постановления 1948 года. Напротив, большое внимание было уделено тому, что решения 1948 года “играли в целом положительную роль в дальнейшем развитии советской музыки”. Была вновь подчеркнута “неприкосновенность основополагающих принципов, выраженных в постановлениях партии по идеологическим вопросам”⁴⁴.

Однако, как показали дальнейшие события в жизни композиторских организаций, именно двусмысленность Постановления 1958 года не только не способствовала компромиссу и консолидации, а наоборот, стимулировала очередной виток противостояния.

Это стало очевидным сразу же после публикации нового Постановления в печати. Консервативная музыкальная партия обратила внимание на то, что Постановление 1948 года осталось в силе и что редакционная статья в газете “Правда” говорила о том, что необходимо “помнить, что опасность нездоровых, чуждых нам явлений в музыке, против которых направлены были эти Постановления, не снята ещё и сегодня”. И что “в творчестве отдельных композиторов порой ещё проявляются неправильные тенденции, препятствующие полноценному реалистическому воплощению значительных тем, мужественных и героических образов, правдивому изображению современной жизни народа”⁴⁵.

Композиторы, пострадавшие в 1948 году, наверняка чувствовали моральное удовлетворение оттого, что с них была снята партийная анафема, что теперь жупел антинародного формалистического направления не довлел над ними. Более того, статья в “Правде” с упоминанием выступления Шостаковича на приёме у Хрущёва 8 февраля придавала композитору уверенности в том, что его положение оставалось не просто высоким, а обретало новый, далеко идущий смысл, некий посыл, которым композитор не преминул воспользоваться в дальнейшем.

О том, как композиторы старшего поколения по-разному отреагировали на Постановление, красноречиво говорят их выступления.

Первые отклики не замедлили появиться сразу после его публикации. В “Правде” они появились уже на следующий день, 9 июня. На третьей странице были помещены отзывы Ю. Шапорина, А. Штогаренко и Караева.

Опытнейший Шапорин в своём отклике сумел дипломатично высказать свою якобы нелицеприятную точку зрения: “Опубликованное вчера Постановление ЦК КПСС “Об исправлении ошибок в оценке опер “Великая дружба”, “Богдан Хмельницкий” и “От всего сердца” с присущей прямоотой и принципиальностью вскрыло те неверные субъективные оценки явлений музыкального творчества, которые сложились в условиях культа личности. Этим самым проведена резкая черта между субъективным подходом в оценке художественных явлений и ленинскими принципами руководства художественным творчеством.

Партия зовёт нас к смелому, яркому, вдохновенному и мастерскому воплощению героической темы современности. Советские композиторы, отвечая на новое проявление заботы о расцвете музыкального искусства, с верой в нужное для нашего великого народа дело будут стремиться к вершинам мирового художественного творчества”.

А. Штогаренко не забыл упомянуть добрым словом творение А. Жданова: “Новый важный партийный документ справедливо отмечает, что Постановление ЦК КПСС от 10 февраля 1948 года в целом сыграло положительную роль в развитии реалистического музыкального творчества”.

Кара Караев прямо начал со здравницы композиторам–“формалистам”: “Советский народ по праву гордится успехами нашего музыкального искусства. В его развитии есть немалая роль выдающихся композиторов Д. Шостаковича, С. Прокофьева, Н. Мяковского, А. Хачатуряна и многих других”. И лишь после этого он отметил, что “азербайджанские композиторы с большим удовлетворением встретили Постановление ЦК КПСС “Об исправлении ошибок в оценке опер “Великая дружба”, “Богдан Хмельницкий” и “От всего сердца”. И, конечно, дежурная, по-восточному чрезмерная хвала: “Это Постановление – новое свидетельство силы и мудрости Коммунистической партии”.

10 июня первыми откликами “виновника” Постановления 1948 года Вану Мурадели и приверженца этого постановления, автора оперы “Тихий Дон”, поделилась газета “Советская культура”. Иван Дзержинский вспоминал, как ему “довелось участвовать в совещании деятелей советской музыки, которое состоялось в ЦК партии в 1948 году. Тогда в течение трёх дней вёл большой дискуссионный спор о формализме в музыке в самом глубоком и разностороннем смысле слова. Этот разговор, несомненно, принёс пользу всем его участникам. Но в оценке некоторых композиторов и произведений были допущены ошибки. Сейчас ЦК КПСС исправил их. И это справедливо. Глубоко радуется, что опубликованные документы с новой силой утверждают незыблемость реалистического пути развития советской музыки, незыблемость основ народности в искусстве”.

В этом же номере газеты сообщается о том, что состоялось партийное собрание московских композиторов. Открыл собрание секретарь парторганизации В. Фере, выступали Вану Мурадели, А. Иконников, Д. Кабалевский, А. Новиков, Д. Рабинович, А. Хачатурян, Л. Данилевич.

“Советская культура” 12 июня поместила на первой странице редакционную статью “Полнее и ярче отражать нашу советскую действительность”, а также сообщения о двух акциях, прошедших в Ленинграде и Москве по случаю выхода Постановления от 28 мая 1958 года. В Ленинграде прошло партийное собрание композиторов. Доклад делал заместитель Председателя ЛОСК М. Глух. Выступали И. Гусин, Л. Энтелис, Е. Сироткин, О. Чижко, В. Сорокин, Ф. Рубцов и др. Была принята резолюция об огромном значении Постановления от 28 мая 1958 года. Судя по составу выступавших, можно понять, что для собравшихся новое Постановление было подтверждением правильности курса 1948 года.

Одновременно газета сообщала, что в Коллегии Министерства культуры СССР состоялось заседание по поводу Постановления. “Открыл заседание коллегии сообщением министр культуры СССР Н. А. Михайлов. Он обратил внимание на необходимость ещё более внимательного, ещё более бережного отношения к художникам. Замечательные слова великого Ленина о том, что талант – редкость, что его нужно систематически и осторожно поддерживать, должны неизменно быть основой в оценке результатов творческого труда писателей, художников, композиторов, деятелей театра и кинематографии. Но всё это отнюдь не означает, что вопросы борьбы за идейную чистоту нашего искусства утратили свою остроту. Сейчас, в дни повсеместно развернувшейся борьбы со всеми и всяческими проявлениями ревизионизма, нам нужно быть, как никогда, последовательными и принципиальными в отстаивании, утверждении высокой идейности, больших целей и идеалов советского искусства. Затем выступали Д. Кабалевский, А. Новиков, И. Мартынов, А. Свешников, А. Хачатурян. О тёплой человеческой заботе партии, вдохновляющей композиторов на новые большие творческие порывы и дерзания, взволнованно говорил композитор Д. Шостакович”. По поводу проведённой коллегии министр культуры отчитывался перед Президиумом ЦК КПСС. Партийная верхушка

внимательно следила за тем, какотреагирует музыкальная и – шире – культурная общественность на новое Постановление.

В этом же номере на второй странице помещены отзывы на Постановление Г. Эрнесакса, Н. Пейко, Г. Жуковского, Ф. Амирова.

Потом газеты сообщали об общих собраниях композиторов и музыковедов в Москве, Ленинграде, Киеве, в Алма-Ате и далее – во всех национальных республиках.

Конечно, наиболее значимым и весьма показательным было собрание в Москве. Здесь выступали основные “герои” обоих Постановлений. И именно здесь наиболее наглядно выявились противоположные позиции композиторов двух лагерей.

Первой о собрании композиторов и музыковедов в Москве по случаю выхода нового Постановления ЦК КПСС отрапортовала газета “Правда” от 13 июня (№ 164). Сам номер этой газеты по-своему знаменателен подборкой материалов. На первой странице под заголовком “Зарубежный зритель рукоплещет советскому искусству” даётся подробный отчёт о выступлениях советских артистов за рубежом, о гастролях МХАТ в Лондоне, об успехах балета Большого театра, ансамбля танца И. Моисеева, Государственного ансамбля танца УССР, Омского народного хора, симфонического оркестра Ленфилармонии (в Японии), о выступлениях танцоров и певцов, хоровых коллективов и народных ансамблей Грузии, Прибалтики, республик Средней Азии. Автор передовицы не забыл упомянуть в списке триумфаторов советского искусства и композиторов: “Широко известен выдающийся успех, сопровождающий выступления в зарубежных странах замечательных советских артистов Г. Улановой, Э. Гилельса, Д. Ойстраха, Л. Когана, М. Ростроповича, композиторов Д. Шостаковича, А. Хачатуряна и многих других деятелей советского искусства”.

В этом же номере газеты дана подробная информация о приёме в посольстве Великобритании в Москве по случаю дня рождения Её Величества Елизаветы II, королевы Великобритании. Отмечается, что на приёме присутствовали Кириченко, Козлов, Фурцева, Микоян, Хрущёв, министры Громыко, Бещев, Михайлов, Зверев, высшие военачальники, учёные, деятели искусства и пр. Хрущёв настойчиво продолжает искать возможность достичь взаимопонимания с великими державами и их руководителями.

Не забыт и третий искусственный спутник. Его полёт ежедневно упоминают не только “Правда”, но и другие центральные газеты. И, наконец, разворот третьей страницы полностью отведён событию в композиторском сообществе. Заголовок говорит сам за себя: “Великая забота партии о расцвете советской музыки”.

Этот же материал перепечатала газета “Советская культура” 14 июня в номере 71, предварив его сообщениями о партийном собрании ССК Украины и общегородском собрании композиторов, музыковедов и музыкальной общественности в Алма-Ате, а также об открытии в Ленинграде музыкального фестиваля “Белые ночи”. И на развороте 2-й и 3-й страниц дала перепечатку текстов выступлений композиторов и музыковедов.

Открыл собрание глава Союза композиторов Т. Хренников. Его выступление в газете озаглавлено “Вместе с партией, вместе с народом”. И без заглавия можно себе представить, какое слово мог, точнее, должен был произнести генеральный секретарь ССК СССР. Конечно, это был чистейший официоз. Впрочем, в той или иной степени практически все выступавшие придерживались “дорожной карты” Постановления и сопровождающей его статьи в газете “Правда”, и всё же в выступлении каждого был свой “маршрут”, своё “вождение”.

Конечно, Хренников не мог обойтись без благодарности партии. Собственно, все начинали с этого реверанса. Но в благодарности генерального секретаря был слышан наигранный чиновничий пафос. В Постановлении для него главное – “незыблемость эстетических принципов народности и социалистического реализма”. И тут же Хренников упоминает Постановление от 10 февраля 1948 года. Оно сыграло, как он громогласно заявил, “большую положительную роль в развитии советской музыки”. И далее он уже не мог остановиться, его буквально понесло: “Это Постановление направило творческие искания советских композиторов на путь искусства, сильного своей идейностью, жизненной правдивостью и красотой. Постановление ЦК партии от 10 февраля 1948 года помогло немалому числу композиторов освободиться

от пагубных иллюзий модернистической (так!) эстетики, преодолеть черты индивидуализма, которые были свойственны некоторым произведениям послевоенного периода”.

Как-то эти вдохновенно произнесённые слова не вяжутся с позднейшим утверждением Хренникова, что он убеждал Хрущёва годом ранее, на премьере его оперы “Мать”, отменить постановление 1948 года. Да и при всём желании Хренников не мог критиковать Постановление 1948 года – оно было его козырной картой, джокером, который он вытаскивал по мере надобности и бил любую карту, то бишь любое произведение, которое ему не нравилось, в котором он находил “модернистическую” ересь. Поэтому он как-то мельком упомянул об “ошибочности и несправедливости некоторых оценок”, содержащихся в старом Постановлении ЦК партии. Буквально, проскочил, прошмыгнул мимо этих ошибок для того, что подчеркнуть “глубокий смысл настоящего Постановления – в продолжении и развитии ленинских методов работы с художественной интеллигенцией”, сочетающих принципиальность в проведении линии партии с чутким, внимательным отношением к художникам, с глубокой верой в их творческую инициативу”.

И затем Хренников счёл необходимым посетить самого себя в порядке самокритики. “В жизни Союза композиторов должны быть навсегда исключены такие методы критики, к сожалению, имевшие место в прошлом, когда порой догматически затёркивались те или иные произведения, требовавшие внимательного разбора, анализа их сильных и слабых сторон, всесторонней оценки. Эти ошибки допускались в некоторых случаях и секретариатом Союза композиторов, и о них полезно ещё раз вспомнить для того, чтобы впредь их не повторять”. Это было сказано вовремя, дабы не дать возможность следующему ораторам напомнить ему о его собственных разгромных выступлениях, особенно тем, кого в 1948 году Хренников поносил последними словами в полном соответствии с догматами ждановского Постановления. И так как кое-кто из присутствовавших в зале мог кое-что припомнить, то тут же пообещал исправиться. “Мы должны построить работу нашей организации так, чтобы животрепещущие творческие вопросы решались в принципиальных дискуссиях, в открытых спорах, при искреннем намерении спорящих сделать нашу музыку ещё более жизненной, близкой советским людям”.

И завершил со свойственным ему оптимизмом, отметив завязавшиеся уже “плодотворные дискуссии” на республиканских пленумах и объявив о предстоящих пленумах правления союза. Всё время своего выступления Хренников был “вместе с партией”. И лишь в самом конце вновь, не забыв партию, он вспомнил о народе единственной фразой: “В своём творчестве, во всей своей деятельности мы будем активно проводить политику партии, стремиться к ещё большему сближению музыкального творчества с жизнью народа”.

Д. Д. Шостакович тоже вынужден был соблюсти этикет и выразить своё отношение к партийному документу. Но он нашёл свой ход рассуждений, выбрал спокойный тон речи уверенного в себе человека, сумевшего в трудных обстоятельствах сохранить своё лицо. Никаких жалоб, упреков, сетований. Ни разу не упомянул о кампании против него самого в 1948 году, вообще ни слова не произнёс о Постановлении ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 года, избежал дежурных слов о “партийности” и “народности”. Главное достоинство нового Постановления он увидел в том, что оно снимает “несправедливые, беспартийные оценки ряда советских композиторов и открывает прекрасную перспективу дальнейшего движения советской музыки по реалистическому пути. Необычайно высокий идейный и морально-этический уровень этого Постановления восхищает нас, советских музыкантов, и всех многочисленных почитателей советской музыки”⁴⁶.

И далее Шостакович произнёс слова, которые смущают некоторых наиболее радикально настроенных советологов. Коснувшись зарубежных связей, он заметил, что в музыкальных кругах зарубежных стран “нашу точку зрения по вопросам новаторства, реализма, народности искренне поддерживают многие передовые музыканты западноевропейских стран”. И поделился своими свежими впечатлениями о встречах с крупными французскими композиторами, которые, по его мнению, “глубоко обеспокоены дальнейшей судьбой музыкального творчества на Западе”. Как передаёт газета слова Шостаковича, “их тревожит распространение среди молодёжи фальшивых

“авангардистских” течений вроде пресловутой додекафонии или “конкретной музыки”.

Вопрос об отношении Шостаковича к музыкальному авангарду в 1950-е годы отнюдь не такой простой. Начнём с того, что в эти годы не один Шостакович был убеждённым противником додекафонии и электронной музыки. В 1950-е годы, когда международный музыкальный авангард победно шествовал по западному миру, далеко не везде и не всеми композиторами он воспринимался “на ура”. Достаточно вспомнить Пауля Хиндемита или Карла Орфа в Германии, венгра Золтана Кодая или чеха Богуслава Мартину. В Соединённых Штатах в начале 1950-х годов американские композиторы-симфонисты старшего поколения, творцы “музыкального американизма”, такие как А. Копланд или С. Барбер, Р. Сешнс или Э. Сигмейстер, отнюдь не были в восторге от А. Шенберга и его молодых американских учеников и последователей. С. Барбер охарактеризовал энергичное наступление американского сериализма, как “победу тоталитарного модернизма”⁴⁷, а Георг Рочберг, прошедший школу Принстона, назвал его “своего рода нацизмом в музыке”⁴⁸. И во Франции с её богатыми традициями, с обострённым чувством национального достоинства (особенно после Второй мировой войны) такие композиторы как Пуленк, Орик, Оннегер, Соге, Лесюр, Дютийе и Жолivé действительно противились усиленному насаждению эстетики безнациональной и безмелодичной музыки.

Обычно подобного рода высказывания Шостаковича рассматриваются как дань композитора официозу, как некие вынужденные и не присущие ему самому мысли. Но это не совсем так, а скорее всего, совсем не так. Положение у Шостаковича в чисто творческом плане, да и в музыкальном мире в это время было довольно сложное. Шостакович, один из первых советских композиторов его поколения, столкнулся с явным неприятием его не только общественной, но и художественской позиции. В скором времени представители музыкального авангарда начнут его уже в открытую критиковать. И, кстати говоря, эта критика начнётся именно с Одиннадцатой симфонии. Поэтому в нелестных словах Шостаковича в адрес музыкального авангарда не было ничего фальшивого, бесчестного. И апелляция к иностранным композиторам, которые сочувствовали Шостаковичу, – это способ самозащиты, способ борьбы за выживание, за своё присутствие на мировой музыкальной арене.

Завершил своё выступление Шостакович обращенной не столько к музыкальной общественности, а к властям предрежащим просьбой, “чтобы советская музыка шире и систематичнее исполнялась в наших концертных залах и оперных театрах”.

Не забыл композитор обратиться и к музыкальным критикам. И вот тут он не обошёлся без словесных штампов, без официоза. Он выразил надежду, что после исправления ошибок, указанных в Постановлении от 28 мая, “музыковеды и критики должны расправить свои крылья, отточить своё перо с тем, чтобы более требовательно, принципиально, с высокоидейных партийных позиций оценивать всё, что создаётся нашими композиторами”. Предложил музыковедам “изучить исторический путь, пройденный советской музыкой, воскресить многие ценные произведения, которые были незаслуженно забыты. Это относится к операм, к симфонической и камерной музыке, к романсам и песням”. Последние слова имели отношение и к самому Шостаковичу, у которого в портфеле лежали в своё время забракованные опера и балеты, Четвёртая симфония и другие сочинения. Композитор ожидал переоценки этих фактически арестованных сочинений, и так как в своё время они были осуждены Агитпропом и газетой “Правда”, то теперь он ожидал реабилитации их, конечно, прекрасно понимая, что принципиальный пересмотр отношения к ним может быть только “с высоких партийных позиций”.

В самом конце Шостакович затронул, как он сам определил, “задачу первостепенной важности – воспитание хорошего эстетического вкуса у нашей молодёжи”. Сказанные тогда слова Шостаковича не потеряли своей актуальности и по сей день: “Пропаганду хорошей музыки нужно начинать со школьной скамьи, с первого класса, чтобы ребята изучали музыкальную грамоту, народные песни и лучшие произведения мировой и русской, советской музыки. Это позволит приобщить миллионы граждан нашей страны к богатствам музыкальной культуры”.

Несколько иной тональности придерживался в своём выступлении Г. В. Свиридов на этом собрании. Уже в самом начале своей речи он сразу резко развернул дежурную благодарность партии в критическом направлении. Как он заявил, «партия вновь сказала, что музыка не есть частное дело отдельных композиторов, что советское музыкальное искусство рассматривается у нас как часть общегосударственного, общенародного дела, как одна из важных отраслей духовной жизни советского народа»⁴⁹. Тут же не преминул упомянуть, что при таком отношении на всех деятелей советской музыки возлагается большая ответственность. И сразу же предложил свою версию прочтения Постановления от 28 мая 1958 года. Как можно судить по газетному изложению его слов, в этом Постановлении его «глубоко взволновало то, что субъективные и безапелляционные суждения по поводу творчества наших крупнейших мастеров сняты и самый термин – «антинародное направление» – к нашей музыке не применим».

И затем воздал должное своим старшим коллегам, попавшим под огонь ждановской критики, заметив, что новое Постановление «пронизано чувством глубокого уважения к деятельности выдающихся советских музыкантов. Некоторые из них, например, Н. Мясковский, В. Шебалин, А. Хачатурян, Д. Шостакович, являются не только композиторами, но и крупными педагогами, воспитателями нескольких поколений советских музыкантов. Многие из нас являются их учениками, поэтому нас особенно радует тон глубокого уважения к этим замечательным музыкантам».

А затем Свиридов не удержался от прямой критики руководства Союза композиторов СССР, выразив озабоченность состоянием дел в Союзе. По газетному изложению его слов можно только понять, какие темы затронул Свиридов в своём выступлении: «Новый партийный документ заставляет нас серьёзно позаботиться о состоянии в композиторской организации. Всё время откладывается создание Московского союза композиторов. Мало у нас интересных творческих собраний, дискуссий. После Второго съезда композиторов жизнь союза не только не активизировалась, а стала более вялой, пассивной. Нам нужно чаще собираться для обсуждения новых сочинений, лучше знать друг друга. Нужно, чтобы в союзе звучало больше музыки, чтобы мы могли критиковать друг друга, помогая овладеть высоким мастерством, нужно работать не покладая рук, ибо этого ждёт от нас народ, а перспективы для творчества у нас необычайно увлекательны и интересны».

Скромный старейший композитор В. Крюков, один из пионеров киномузыки, упомянул оба Постановления, тем не менее, не обошёлся без упрека: «Нельзя было зачеркнуть всё, что было создано нашими композиторами до 1948 года в области симфонической, камерной, оперной музыки». И нашёл справедливые, добрые слова в адрес практически всех композиторов-формалистов. Отметил первым своего учителя – Н. Я. Мясковского: «Особенно несправедливой была критика композитора Н. Я. Мясковского. Это был не только выдающийся симфонист, но и замечательный общественный деятель, чуткий педагог, воспитавший целую плеяду советских музыкантов».

В выступлениях композиторов В. Фере, Д. Кабалевского трудно выделить какую-либо оригинальную мысль. Как и многие другие, они отделались дежурными признаниями в приверженности социалистическому реализму, благодарили партию за внимание к композиторскому творчеству. Даже авторитетный и в общем-то прогрессистски настроенный Арам Хачатурян не нашёл какого-то убедительного слова если не в свою собственную защиту, то хотя бы в поддержку всей группы композиторов, обвинённых в 1948 году в формализме (к которой он сам был причислен). Увы, заметив в начале своего выступления, что новое Постановление свидетельствует о том, что «наша партия внимательно следит за развитием советской музыки, проявляет большую заботу о композиторах» и что Постановление «содержит в себе глубокие мысли, намечает дальнейшие пути развития советской музыки», тем не менее, он не забыл упомянуть, что «принципы реализма, идейности, борьбы с чуждыми влияниями десять лет назад были провозглашены нашей партией в известном Постановлении от 10 февраля 1948 года». Правда, после этого он сразу перешёл к современному состоянию композиторского творчества. «Советская музыка за десять лет шагнула далеко вперёд. За это время появился ряд ярких музыкальных произведений, выдвинулось много молодых талантливых мастеров, необычайно расцвело национальное искусство союзных и автономных

республик”. При этом он счёл возможным упомянуть только успехи композиторов Азербайджана и Татарстана, назвав имена Кара Караева и Назиба Жиганова.

Двойственность текста Постановления ЦК КПСС 1958 года порождала двусмысленность некоторых высказываний, известную “гибкость” в позиции некоторых участников собрания. Это наиболее ярко проявилось в выступлении музыковеда И. В. Нестьева. Воздав в начале выступления должное новому партийному документу как логическому продолжению линии, намеченной XX съездом КПСС, он тут же отвешивает глубокий поклон в сторону Постановления 1948 года: “Мы вновь и вновь ощущаем великую роль Постановления от 10 февраля 1948 года, основные идеи которого остаются священными и незыблемыми”. Затем он приводит имена и сочинения композиторов, чьему росту помогли “мудрые идейно-эстетические принципы, изложенные в этом важнейшем документе”. Первым упомянул Д. Д. Шостаковича, назвав “две интереснейшие симфонии – 10-ю и 11-ю, составившие украшение современного симфонического репертуара”. Отметил “интенсивную работу” В. Шебалина, “показательный путь” Н. Пейко “к его интересному балету “Жанна д’Арк”, Г. Свиридова, “который проделал плодотворный путь от недостаточно зрелых и подражательных сочинений 40-х годов к нынешним ярким, талантливым вокально-симфоническим полотнам”. И тут же воспользовался этим “важнейшим документом” как розгами и посёк им молодых композиторов. “Особенно плохо обстоит дело с оценкой творчества молодых композиторов. А ведь разговоры, ведущиеся об ошибочных тенденциях отдельных молодых композиторов – об усложнённости языка, субъективизме, отрыве от современности, – эти разговоры не беспочвенны. И нужно проявить большую требовательность, твёрдость и в то же время чуткость для того, чтобы помочь молодым товарищам выправить творческую линию”.

Послевоенная поросль композиторской молодёжи, её выход на музыкальную сцену, отношение к ней в ССК СССР – это чистой воды *terra incognita* в нашем историческом музыкознании. Между тем, появление молодого поколения в союзе композиторов, история взаимоотношений молодых со старшими коллегами, с руководством ССК СССР и СК РСФСР, их постепенное возвышение и, наконец, захват командных высот как за счёт естественной убыли старших поколений, так и путём борьбы с ними – драматичная и необычайно важная страница истории отечественной музыки, без знания которой очень трудно понять, что в ней происходило и происходит вплоть до наших дней. Эта история непосредственно связана с героями нашего повествования, поэтому в дальнейшем мы обязательно остановимся на этой теме.

Затронул Нестьев в своём выступлении и проблему массовых жанров.

“Вызывает беспокойство положение в области массовых жанров советской музыки. За последние два-три года в песенном жанре, в киномузыке, радио- и телепередачах порой творится что-то неладное. В музыке некоторых песен зачастую появляется неприятный гибрид джазовых ритмов и надрывной мелодии в духе Лещенко. А ведь эти жанры в какой-то мере формируют вкусы молодёжи”. В 1958 году тема массовых жанров вновь обрела не просто актуальность. Она воспринималась как государственная проблема. Но и об этом позже.

Закончил своё выступление Нестьев – как выяснилось позднее, убеждённый поклонник и знаток современного западного искусства – вполне боёвито, на бодрой ноте: “Новый партийный документ будет стимулировать дальнейшие крупные успехи нашего творчества, нашей критики и активизировать жизнь нашего союза, который имеет все возможности стать подлинным штабом реалистического музыкального творчества”.

В научной литературе не существует взвешенной объективной оценки исторической роли Постановления ЦК КПСС 1958 года. Не претендуя на полностью моей точки зрения, поделюсь некоторыми наблюдениями.

Постановление ЦК КПСС имело чисто пропагандистское значение и родилось в конкретной политической ситуации, когда партия и государство были крайне заинтересованы в разрядке напряжённости и в налаживании мирного диалога с Западом. Постановление ЦК КПСС – это один из тех документов, которые говорят о намерении советского государства создать положительный образ своей страны за рубежом. Хрущёв хотел доказать, что он отказывается от сталинских методов руководства искусством. Причём для “исправления

ошибок” было выбрано именно Постановление ЦК ВКП(б) от 14 февраля 1948 года, поэтому предметом нового Постановления ЦК КПСС от 25 мая 1958 года стали не литература, не кино, не искусство вообще, а конкретно композиторское творчество. Списав на Сталина и представителей антипартийной группы (Молотов, Маленков и Каганович) наиболее грубые оценки композиторов, объявленных формалистами, творцы нового Постановления всё же были заинтересованы в сохранении эстетической доктрины социалистического реализма в качестве руководящей идеи творчества советских деятелей искусства и одновременно в сплочении на этой основе и консолидации советской творческой интеллигенции. Только теперь социалистический реализм трактовался не как детище Сталина, а как ленинское эстетическое учение. Реабилитация композиторов-“формалистов” была необходима Хрущёву в 1958 году, так как музыка была главным репрезентантом советской культуры в том году за рубежом.

Безусловно, Постановление 1958 года в известной степени сработало и на имидж самих композиторов, обвинявшихся в формализме в 1948 году. Оно сыграло свою роль и в судьбе Д. Д. Шостаковича, образ которого как “мученика” сталинского режима надолго упрочился в западной пропаганде и остаётся таковым до сих пор.

Что касается собственно музыкального процесса, могу с уверенностью сказать, что новое Постановление не оказало на него никакого влияния. Композиторы старшего и среднего поколения как шли своим путём, так и продолжали им идти. Молодёжь находилась в стадии обретения своего индивидуального стиля и почерка, жадно впитывая всё то новое, что было доступно им. В том числе и ту музыку, те композиционные техники и звуковые системы, на которые были наложены санкции со стороны партийного руководства.

Как показало время, ход дальнейших событий, Постановление 1958 года не оказало какого-либо влияния на политику, идеологию и пропаганду Запада в отношении Советского Союза, и одновременно оно не помогло достичь целей, которые ставились творцами Постановления в отношении внутренней политики, влияния на культурную жизнь и художественное творчество в стране Советов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Советско-арабская дружба крепнет и развивается. Прибытие в Москву Президента ОАР Гамаль Абдель Насера. // “Правда”. – 1958. – 30 апреля. – № 120. – С. 1.

² Выступление советских артистов в Александрии. // “Советская культура”. – 1958. – 4 мая. – № 53. – С. 4; Каирские встречи. // “Советская культура”. – 1958. – 6 мая. – № 54. – С. 4.

³ См. рец.: “Браво, Уланова!”, “Браво, русские!”. Советский балет в ФРГ. // “Советская культура”. – 1958. – 19 июля. – № 86. – С. 4.

⁴ Триумф Большого театра в Париже. // “Правда”. – 1958. – 3 июня. – № 154. – С. 6.

⁵ Советско-финляндское коммюнике. // “Правда”. – 1958. – 31 мая. – № 151. – С. 1.

⁶ Тавастшерна Эрик. Музыкальные впечатления. // “Советская культура”. – 1958. – 12 июня. – № 70. – С. 4.

⁷ Ковнацкая Л. “Финская сюита” Шостаковича в ленинградском контексте: из истории рукописи. // *Opera musicologica*. 2017. – № 4 [34]. – С. 21. Шостакович завершил работу над сюитой 3 декабря 1939 года, на четвёртый день “незнаменитой” финской кампании, “зимней войны” 1939–1940 годов. Об этом скромном, не отмеченном номером самим автором сочинении сложилась целая литература. См.: Нилова В. Семь обработок финских народных песен (Сюита на финские темы) Шостаковича и карельские песенные источники. В кн.: Дмитрий Шостакович. Исследования и материалы. Вып. 4. / Отв. ред. О. Дигонская, Л. Ковнацкая. – М., DSCH. – 2012. – С. 195–207.

⁸ Справедливости ради следует отметить, что в то самое время, когда президент Финляндии Урхо Кекконен собирался в Москву, в стране Суоми гастролировала большая группа советских артистов. Как писал директор ЦДРИ Б. Филиппов,

- “недавно у наших финских соседей по приглашению общества “Финляндия – Советский Союз” побывала группа советских артистов. В группу входили солисты Большого театра СССР Ирина Архипова и Ф. Пархоменко, пианистка Белла Давидович, скрипач М. Комиссаров, солисты грузинского балета Этери Чабукиани и Вахтанг Гунашвили, исполнители русских народных танцев, артисты Ленинградского Малого оперного театра В. Князев, А. Мирецкий и Н. Петров, аккомпаниатор Д. Ашкенazi”. (Ф и л и п п о в Б. В гостях у народа Финляндии. // “Советская культура”. – 1958. – 22 мая. – № 61. – С. 4).
- ⁹ Прибытие в Вену делегации Советско-австрийского общества. // “Правда”. – 1958. – 29 ноября. – № 333. – С. 6. “ВЕНА, 28 ноября. (ТАСС). Сегодня в Вену для участия в пятом конгрессе Австро-советского общества прибыла делегация Советско-австрийского общества во главе с председателем правления этого общества композитором Д. Д. Шостаковичем”. По всей видимости, целью визита делегации было участие в работе комиссии по подготовке программы VIII Международного фестиваля молодёжи в Вене, который планировался в 1959 году. См.: Соколова В. Международные связи молодёжи в СССР в годы хрущёвской “оттепели”. // Вестник Саратовского гос. соц. экон. ун-та. // Серия История. Исторические науки. – 2008. – № 4 (23). – С. 186–188.
- ¹⁰ Э. Кардель был на премьере 11-й симфонии в Москве 30 октября 1957 года.
- ¹¹ Несовместимо с марксизмом-ленинизмом. Статья в “Нейес Дейчланд” о VII съезде Союза коммунистов Югославии. // “Правда”. – 1958. – 14 мая. – № 134. – С. 5.
- ¹² О проекте программы Союза коммунистов Югославии. Статья газеты “Скынтейя”. // “Правда”. – 1958. – 25 мая. – № 145. – С. 3–5.
- ¹³ Руководящие круги Союза коммунистов Югославии заодно с реакционерами всех стран и правыми элементами китайской буржуазии злобно клеветуют на диктатуру пролетариата. // “Правда”. – 1958. – 6 мая. – № 126. – С. 3 (“Современный ревизионизм должен быть осуждён”. Пекин. 5 мая. Передовая под таким заголовком опубликована в “Женьминьжибао”).
- ¹⁴ Сигети И. о. замминистра культуры ВНР. Неверный путь. // “Советская культура”. – 1958. – 21 августа. – № 100. – С. 3–4. (Критика книги Дьёрдя Лукача “Особенное как эстетическая категория”); Ил ку П ал. Достижения культурной революции в Венгрии. // “Советская культура”. – 1958. – 3 апреля. – № 40. – С. 4.
- ¹⁵ См.: Сообщение Министерства юстиции ВНР о судебном процессе Имре Надя и его сообщников. // “Правда”. – 1958. – 17 июня. – № 163. – С. 5.
- ¹⁶ Каллаи Дьюла, член Политбюро, секретарь ЦК ВСРП. Лекция “Политика ВСРП в области культуры”. // “Советская культура”. – 1958. – 10 мая. – № 56. – С. 4.
- ¹⁷ См., напр.: Баскин М. Ревизионизм – враг передового искусства. // “Советская культура”. – 1958. – 28 июня. – № 77. – С. 3.
- ¹⁸ Советская культурная дипломатия в условиях “холодной войны”. 1945–1989: коллективная монография / [науч. ред., рук. авт. коллектива О. С. Нагорная]. – М., Политическая энциклопедия. – 2018.
- ¹⁹ *Ansari E. A. The sound of a superpower: Musical Americanism and the Cold War. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – P. 21.*
- ²⁰ См., напр.: Крюков Вл. На концертах Филадельфийского оркестра. // “Правда”. – 1958. – 6 июня. – № 157. – С. 6; Мартынов И. Москва слушает Филадельфийский оркестр. // “Известия”. – 1958. – 29 мая. – № 128. – С. 3; Власов Вл., композитор. Концерт Леопольда Стоковского. // “Известия”. – 1958. – 18 июня. – № 145. – С. 6.
- ²¹ Л. Стоковский в доме-музее П. И. Чайковского в Клину. // “Правда”. – 1958. – 3 июня. – № 154. – С. 6.
- ²² В беседе с нашим корреспондентом... Леопольд Стоковский “Я – энтузиаст обмена между русской и американской культурами”. // “Советская культура”. – 1958. – 24 мая. – № 63. – С. 4.
- ²³ *Van Cliburn Draws Crowd Of 70 000 At Grand Park // Musical America, 1958, August, p. 3.*
- ²⁴ *Cliburn Draws 40,000 As Hollywood Bowl Soloist // Ibid., p. 24* (Клиберн привлекает 40 000 человек в качестве солиста Холливуд Боул). *Hollywood Bowl* – амфитеатр, расположенный на Голливудских холмах близ Лос-Анжелеса. Одна из десяти лучших концертных площадок в США.

- ²⁵ Отъезд К. Кондрашина из США на родину. // “Советская культура”. — 1958. — 3 июня. — № 67. — С. 1.
- ²⁶ Максименков Л. Совершенно концертно. // “Огонёк”. — 2015. — 8 июня. — № 22. — С. 33, 34.
- ²⁷ *Aufschwung* (нем.) — порыв. Название пьесы из Фантастических танцев для фортепиано Р. Шумана.
- ²⁸ См.: Обмен посланиями между председателем Совета министров СССР тов. Н. С. Хрущёвым и Президентом США Дуайтом Эйзенхауэром. // “Правда”. — 1958. — 24 апреля. — № 114. — С. 2. В ответ на письмо Хрущёва от 4 апреля Эйзенхауэр ответил 8 апреля, выразив сомнение в искренности намерений СССР прекратить испытания атомного оружия: “Кажется несколько странным, что Советский Союз, который только что закончил серию испытаний небывалой интенсивности, теперь в заголовках, набранных крупным шрифтом, заявляет, что он не будет проводить новые испытания, но добавляет, маленькими буквами, что он может снова начать испытания, если Соединённые Штаты будут осуществлять уже давно объявленную и подлежащую теперь осуществлению серию испытаний. Время, выбранное для опубликования советской декларации, её формулировки и способ её опубликования не могут не поставить вопрос в отношении её подлинного значения”. 22 апреля Хрущёв в ответном послании возразил Эйзенхауэру, но в конце письма примирительно заметил: “Возможно, г-н президент, Вы не все изложенные мною соображения разделяете, но всё же я хотел бы выразить пожелание — нельзя ли положить конец полемике по этому вопросу, подвести черту под прошлым и договориться о том, чтобы США и Великобритания так же, как и Советский Союз, прекратили испытания атомного и водородного оружия. <...> Мы глубоко надеемся, господин президент, что Вы используете весь свой авторитет и влияние в этих благородных целях. С искренним уважением, Н. ХРУЩЁВ”.
- ²⁹ *Cliff Nigeli. Moscow Nights: The Van Cliburn Story – How One Man and His Piano Transformed the Cold War.* — N-Y.: Harper, 2016.
- ³⁰ В 2017 году издательство ЭКСМО, исправив ошибку названия в американском издании, всё же выпустило русский перевод этой книги с несколько видоизменённым названием: Клифф Найджел. Подмосковные вечера. История Вана Клиберна. Как человек и его музыка (вместо “рояль” — piano как в американском издании) остановили (вместо “изменили” — *transformed*) “холодную войну”. — М., ЭКСМО. — 2017.
- ³¹ РГАЛИ, ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1593. Иностранная комиссия. Обзор зарубежной музыкальной прессы за апрель–июнь 1958 года. Начато: апрель 1958 года. Окончено: июнь 1958 года. На 137 листах. Л. 19–21, л. 24.
- ³² РГАЛИ, ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1595. Обзор зарубежной музыкальной прессы за июль–сентябрь 1958 года. Том IV. Начато: июль 1958. Окончено: сентябрь 1958 года. На 98 листах. — Л. 19.
- ³³ Медведев А. За пультом — Леопольд Стоковский... // “Советская культура”. — 1958. — 7 июня. — № 68. — С. 4.
- ³⁴ Отъезд Д. Д. Шостаковича в Италию. // “Советская культура”. — 1958. — 10 мая. — № 56. — С. 2.
- ³⁵ Вручение Д. Шостаковичу диплома почётного члена итальянской музыкальной академии. // “Советская культура”. — 1958. — 13 мая. — № 57. — С. 4.
- ³⁶ Критик Ин. Попов отметил это исполнение в своей обзорной статье о фестивале: “Ещё ярче раскрылось высокое мастерство дирижёра и оркестра Чешской филармонии во время исполнения Одиннадцатой симфонии Д. Шостаковича “1905 год”, прозвучавшей с огромной выразительной силой” (Попов Ин. Один день “Пражской весны”. // “Советская культура”. — 1958. — 24 мая. — № 63. — С. 3).
- ³⁷ Концерты Д. Шостаковича в Париже. // “Советская культура”. — 1958. — 31 мая. — № 66. — С. 4. “ПАРИЖ, 29 мая. (ТАСС). Во дворце Шайо в Париже состоялись два концерта из произведений известного советского композитора Дмитрия Шостаковича, находящегося сейчас в Париже. Партию фортепиано в обоих концертах исполнял автор. Наряду с другими произведениями композитора была исполнена его Одиннадцатая симфония. Помимо двух живых исполнений, А. Клюитанс записал симфонию на пластинку. (См.: Хентова С. М. Шостакович. Жизнь и творчество. — Т. 2. — Л., Советский композитор, Ленинградское отделение. 1986. — С. 337).
- ³⁸ Б. п. “Путь советской музыки — путь народности и реализма”. // “Правда”. — 1958. — 8 июля. — № 159. — С. 3, 4.

- ³⁹ Борис Шварц не без иронии заметил, что “Жданов, истинный злодей чистки 1948 года, был исключён из этого списка козлов отпущения” (*Schwarz B. Music and musical life in Soviet Russia. Enlarged Ed., 1917–1981. – Bloomington: Indiana university press, [1983]. – P. 309*).
- ⁴⁰ Буквально лежит “у дверей Сталина” (*at the door of Stalin*).
- ⁴¹ Букв. – оболванивание, отстранение (*the stultification*).
- ⁴² Букв. – он должен был быть тесно связан с указом о кино и музыке (*he is bound to have been associated closely with the decree on the cinema and music*).
- ⁴³ *National Archives, FO 371 135391*.
- ⁴⁴ *Schwarz B. Music and musical life in Soviet Russia. Enlarged Ed., 1917–1981. – Bloomington: Indiana university press, [1983]. – P. 309-310*.
- ⁴⁵ Б. п. “Путь советской музыки – путь народности и реализма”. // “Правда”. – 1958. – 8 июня. – № 159. – С. 5.
- ⁴⁶ Шостакович Д. Д. Мировой авторитет советского искусства. // “Советская культура”. – 1958. – 14 июня. – № 71. – С. 2.
- ⁴⁷ *Ansari E. A. The sound of a superpower: Musical Americanism and the Cold War – Oxford: Oxford University Press, 2018. – P. 3*.
- ⁴⁸ *Ibid.*
- ⁴⁹ Свиридов Г. В. Высокая общественная роль музыки. // “Советская культура”. – 1958. – 14 июня. – № 71. – с. 2.